

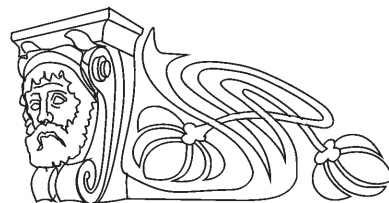

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 187–191
Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 187–191
<https://phpp.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-187-191>, EDN: KLPYTJ

Научная статья
УДК [1:316]+128

Смысл в жизни в его отношении к будущему: модель социально-философского анализа

И. О. Агапов

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420111, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 35

Агапов Игорь Олегович, аспирант кафедры социальной философии Института социально-философских наук и массовых коммуникаций, newpost125@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1298-5386>

Аннотация. Введение. Смысл жизни – тема, привлекавшая новую волну интереса в аналитической философии. Однако при всем обилии публикаций есть множество аспектов, которые, по мнению автора, получили недостаточное освещение. Автор сфокусировался на значимости взгляда на будущее для определения смысла и возможных вкладов социальной философии в дискурс смысла жизни. **Теоретический анализ.** Демонстрируются возможности анализа взглядов на будущее с точки зрения социально-философских соображений, анализа скрытых и открытых политических и этических установок, социологических данных и анализа нарратива (за которым также стоят философские предположения). Акцент сделан на том, какие ограничения в существующей литературе можно превзойти, а в фокусе внимания находятся проблемы скрытых политических (часто центризм, предлагаемый без критики), эстетических (классическая эстетика) и методологических посылок. Обращено внимание на важность анализа образов будущего с учетом их интенции (позитивной и негативной, активной и пассивной). **Заключение.** Предлагается модель социально-философского исследования взглядов на смысл жизни в контексте отношения к будущему. Модель призвана обогащать понимание смысла жизни, проясняя аспекты, связанные с социальной онтологией, аксиологией, политикой, экономикой и т.п.

Ключевые слова: смысл жизни, социальная философия, ценности, будущее

Для цитирования: Агапов И. О. Смысл в жизни в его отношении к будущему: модель социально-философского анализа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2025. Т. 25, вып. 3. С. 187–191. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-187-191>, EDN: KLPYTJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The meaning of life in its relation to the future: A model of socio-philosophical analysis

I. O. Agapov

Kazan Federal University, 35 Kremlevskaya St., Kazan 420111, Russia

Igor O. Agapov, newpost125@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-1298-5386>

Abstract. Introduction. The meaning of life is a topic that has attracted a new wave of interest in analytical philosophy. However, with all the abundance of publications, there are many aspects that, in our opinion, have received insufficient coverage. Among them, we focus on the idea of looking at the future as relevant for determining the meaning and possible contributions of social philosophy to the discourse of the meaning of life. **Theoretical analysis.** This article demonstrates the possibilities of analyzing views on the future from the point of view of socio-philosophical considerations, the analysis of implicit and explicit political and ethical attitudes, sociological data, and narrative analysis (which is also based on philosophical assumptions). The emphasis is on what limitations of the existing literature can be surpassed, mainly focusing on the problems of hidden political (often centrism, proposed without criticism), aesthetic (classical aesthetics) and methodological premises. The article draws attention to the importance of analyzing images of the future, taking into account the intention behind them (positive and negative, active and passive). **Conclusion.** A model of socio-philosophical study of views on the meaning of life in the context of attitudes towards the future is proposed. The model is designed to enrich the understanding of the meaning of life by clarifying aspects related to social ontology, axiology, politics, economics, etc.

Keywords: meaning of life, social philosophy, values, future

For citation: Agapov I. O. The meaning of life in its relation to the future: A model of socio-philosophical analysis. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2025, vol. 25, iss. 3, pp. 187–191 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2025-25-3-187-191>, EDN: KLPYTJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Смысл жизни, в явной форме обсуждаемый как минимум последние 200 лет, особо значим для любого человека в меру его способности и склонности к оцениванию [1]. С конца 1990-х гг. в англоязычной литературе возобновляется интерес к теме, особенно в формулировке «смысл в жизни», в работах Т. Метца, И. Ландау, Дж. Сикриса и др. У текстов новой волны есть общие темы и вопросы: (интер)субъективность и объективность смысла, возможные варианты понимания смысла на основе анализа обыденного языка (как значимости и как способности отсылать к чему-то другому), анализ религиозных аспектов, нарративный подход, компоненты жизни, наполненной смыслом [2]. Этот дискурс по большей части существует в рамках аналитической философии и в разрыве от идей социальной философии, кроме того, время в нем обычно рассматривается весьма обобщенно. Задача данной статьи – заполнить эти пробелы и показать модель социально-философского анализа взгляда человека на смысл жизни в контексте его отношения к будущему и показать эффективность данной модели в раскрытии содержания смысла в жизни. Для краткости и избегания паттернов борьбы узких концепций будем исходить из того, что смысл в жизни – оценка жизни как значимой, которая может обретаться в разных ценностных контекстах и разных теоретических рамках. Эта значимость подразумевает не только «важность для кого-то», но также и личную оценку того, стоит ли прожить такую жизнь (устоявшаяся в источниках ассоциация с известным эссе А. Камю).

Теоретический анализ

Итак, в данной статье мы рассмотрим следующую проблему – недооценку погруженности человека в его образы времени, конкретно фокусируясь на отношении к будущему. Прежде чем представлять модель социально-философского анализа взглядов на смысл жизни в контексте отношения к будущему, следует показать широкий набросок этого взгляда как такового.

Сама идея будущего заставляет нас поставить оценку смысла в некоторое настоящее, где жизнь оказывается принципиально ещё не завершённой (но не обязательно неопределённой). В профессиональной литературе проблема обычно не рассматривается с точки зрения

положения человека во времени, более того, обычно суждения о смысле делаются без пояснений относительно времени их вынесения. У Т. Метца, одного из наиболее влиятельных авторов, «поправки на время» выражаются только в предпочтении более долгой памяти о жизни и неявных намеках, что о полном смысле можно говорить только в случае итога итогов [3].

Социально-философское мышление не может останавливаться только на времени как таковом. Здесь она призвана дополнить суждения о смысле жизни социальным содержанием, так как пока последние в их социальных аспектах остаются под рубрикой «субъективности» и не подвергаются рефлексии с точки зрения устройства общества. В социально-философском анализе оценка становится субъективной, т. е. ее делают определенные субъекты в определенный момент времени, за ней стоит придание ценности или обесценивание разных феноменов жизни. Субъектный характер происхождения суждений о ценности можно увидеть, посмотрев на ценности в контексте авторитета. Часто мы видим особую роль «экспертов в ценностях» – религиозных деятелей (например, часто обесценивающих наслаждение и придающих ценность построения семьи по определенной модели), писателей (романтизирующих или тривиализирующих жизнь офисного работника, преступника и т.п.), государства (программы по поддержке и по предотвращению различных вариантов жизненного выбора), авторов в области психологии и особенно «самопомощи» (будучи наделенными авторитетом объявлять разные модели здоровыми и нездоровыми и/или успешными и неуспешными, они часто могут блокировать старые модели смысла с помощью лейблов о зависимости и токсичности). Здесь все они формируют наше поле ожиданий от будущего и оценивания наших перспектив.

Отдельные агенты и продвигаемые ими нарративы могут вписываться в рамки идеологий как прогрессистские, традиционалистские и иные, так мы можем лучше понимать социальную природу нашей оценки смысла. Можно увидеть центризм в методологии Т. Метца, опирающейся на консенсус и особые образцы жизни, наполненных смыслом (либеральный канон «великих людей»). У Метца есть и определенная доля ценностного консерватизма, когда он говорит об оценке смысла в жизни как истории: он позитивно оценивает универсальные и

оригинальные истории и наделяет нарративно негативной ценностью случайность, повторение, подражание чужой жизни [3, р. 230, 235].

Также важно учитывать социальный статус тех, кто делает суждения о смысле жизни в его отношении к будущему. В социологической литературе планирование своего будущего часто ассоциируется с неким привилегированным положением, более широкими возможностями и специфическим воспитанием. Нужно принимать во внимание, что актуальная форма отношения к будущему для всех разная – иногда это ожидание, для кого-то планирование, для кого-то предмет азартной игры и т.п. Далее, важна интенция образов. В социологии известно различие образов будущего на те, что ориентируются на позитивные исходы (например, образцы карьер врача и инженера), и те, что сфокусированы на избегании негативных исходов (зависимость, долги, судимость), причем эти типы образов могут быть характерны для разных этнических групп (стереотип американского контекста – культивирование позитивных образов у привилегированных слоев общества и, наоборот, негативная установка избежать бедности и тюрьмы в будущем у этнических меньшинств), что подчеркивает социальную погруженность смысла [4, р. 404]. Сама форма обращения плана важна – «ты должен / ты можешь достичь успеха» отличается от «постарайся не потерпеть неудачу», здесь можно выделить множество модусов стремления к изменению, стабилизации, предотвращению и т.п. Имеет место нечто подобное интерпелляции, где субъект ставится в определенный контекст смысла.

Где начинается будущее и кончается настоящее? Вполне обоснованно проблематизировать эту границу, разделяя качественное и хронологическое. Если будущее нагружено смыслом отличности от настоящего, то иногда стоит говорить об отсутствии будущего, такие представления распространены, например, в дискуссиях о возможности будущего вне капитализма, хотя эта линия аргументации применяется к любому случаю, где будущее невозможно, так как «всегда будет одно и то же». Здесь будущее возможно только хронологически, но не качественно. Даже на уровне отдельно взятого человека ближайший год может не казаться будущим, если он представляется полным продолжением текущего момента и особенно в случаях жизненной паузы, ожидания (часто неизвестной длительности – поиска работ, ситуации болезни,

осознанной паузы вроде “gap year” и т.п.), «моратория», «расширенного настоящего», о которых говорят социологи. Граница будущего зависит от некоего фактора изменения, который может быть привязан к закономерностям, конкретным датам, возрасту («к/после 30/40/... уже...») или случайному событию (например, когда меня наконец-то заметит знаменитый режиссер) [5, р. 12]. Эта граница показывает нам, кто из оценивающих смысл активен и социально «силен», а кто, наоборот, ограничен, для кого пассивность безопасный выбор, а для кого отчаяние. Факторы, о которых идет речь, имеют социально-философское содержание: распространенные в обществе формы счета и деления времени жизни человека и связанные с ними ожидания, общая настроенность на активное или пассивное отношение к жизни (которое можно связывать с разными культурными трендами, как делал Ф. Полак, выделявший пессимизм и оптимизм относительно возможности изменения будущего) и т.п. [6, р. 25–29].

Значимость будущего и особенно его протяженности ярко, хотя и несколько карикатурно, показывает следующий мысленный эксперимент: если мы представим скорый конец человеческого рода, то многие проекты теряют смысл, например, усилия по изобретению лекарства от рака окажутся не так приоритетны, если, скажем, осталось всего 2 недели [7, р. 21–24]. С сокращением времени многие из наших забот отпадают. У нас есть неосознанные ожидания от будущего, которые определяют, что для нас вообще может быть важным и приоритетным. Мы можем считать, что многие из актуальных на сегодняшний момент вещей станут менее релевантными спустя, допустим, 30 лет: существующие модели карьеры, идентичности, социального круга, собственности, тогда смыслы, связанные с ними, заменятся другими. Для кого и что я делаю, кто я, что я могу иметь, что я должен и т.п. – круг важных вопросов, имеющих смысл, в конечном итоге, только в контексте социальных практик.

Важна также этическая перспектива. Часто может иметь значение некоторая воображаемая оценка из будущего, что мы видим, например, у некоторых утилитаристов: такая идея есть у Т. Малгана, который говорит о нашем моральном статусе с точки зрения обязательств перед будущими поколениями [8]. Жизнь человека может приобретать негативный смысл, если рассмотреть ее с точки зрения будущих по-

следствий. Если выйти за пределы консеквенциализма и оценивать намерения или добродетельность, то и здесь мы можем «оказаться виноватыми» позднее – такая логика, на наш взгляд, есть напрашивающаяся инверсия существующей политики памяти относительно деятелей колониального и иного прошлого. Вне философского контекста данная точка зрения популярна во многих заявлениях и договорах международных организаций со времен идеи устойчивого развития. Само признание или отрицание важности оценки из будущего в наших образах уже важный пункт анализа.

Многие авторы отмечают связь идеи смысла жизни с нарративным мышлением, которое предполагает нарративную ценность [2]. Очевидна проблемность «нарративной ценности» – как вообще ее измерять? Именно это делает данный вопрос областью социальной философии, а не только нарратологии. Формулировка Т. Метца “a compelling life story” не представляется достаточной в силу неясности того, кто и как оценивает свойства этой истории (учитывая, что одну жизнь можно представить в ряде разных историй) [3, р. 235]. При всей относительности вкусов в отношении искусства нужно понимать, что это часто нарративная ценность в применении к себе, а не вымышленному персонажу. На мой взгляд, необходимо отделить эти контексты применения, если первое сохраняет большую степень произвольности, то второе, на наш взгляд, принуждает к несколько большей осторожности, что в некоторой степени поддерживает консерватизм Т. Метца, о котором мы упомянули ранее.

Интересна идея Л. Эделмана о том, что сохранение будущего в целом и идея продолжения жизни есть имманентно консервативный корень большинства установок от самых левых до самых правых [9, р. 1–5].

Здесь будущее связано с завершением истории жизни, также оно может содержать в себе некий эпилог, завершение после завершения. Образ мира будущего определяет жанр (в рамках которого несколько легче рассуждать о нарративной ценности, причем наверняка не все жанры подходят для осмысления смысла жизни) и нарративные характеристики: насколько активна роль человека в мире, как расставлены акценты значимости. Одним из классических образцов подобного анализа является модель Х. Уайта в работе «Метаистория», где определяются жанровые, троповые, идеологические

и методологические характеристики исторических нарративов [10]. Кроме того, литературный анализ может помочь выделить разные стили интерпретации жизни как имеющей смысл: пока предварительно можно определить пространственную мысль «смысл жизни в самой жизни» как стиль реализма, тогда как религиозные трактовки можно отнести к символизму. Это могло бы обогатить наше понимание речи о смысле жизни, если расширить жанровые рамки дискурса. Пастораль, например, представлялся бы жанром, ассоциируемым со спокойной жизнью. Можно также найти нуарные, эпические, трагические и иные мотивы в речи людей о смысле жизни. Сам Х. Уайт в одной из поздних работ (2017) подчеркивал, что истории о жизни предполагают целую философию жизни и некие идеалы в противоположность дезорганизованному видению жизни [11, р. 281–285]. На наш взгляд, здесь лежит огромный потенциал для исследования связей нарратива о себе с нарративами об истории в целом, философией истории и философией жизни.

Подходя к заключению, мы можем предложить суммарную модель социально-философского анализа взгляда человека на смысл жизни в контексте его отношения к будущему.

Заключение

Искомая нами модель в предварительном варианте предполагает анализ взглядов на смысл жизни в контексте образов будущего через следующие вопросы:

- 1) какие ценности предполагает этот взгляд?
- 2) какие акторы, идеологии формируют этот взгляд?
- 3) кому он может быть свойственен как личная позиция, каков социальный статус такого субъекта?
- 4) где находится граница будущего?
- 5) какое отношение субъекта к будущему (в параметрах активности, вариантов работы с будущим и т.п.)?
- 6) какие нарративные паттерны можно найти в этом взгляде?
- 7) как нарративные паттерны соотносятся с ответами на вопросы 1–5?

Даже в достаточно предварительной форме эта модель может открывать дорогу для социального-философского обогащения мышления о смысле жизни.

Список литературы

1. Landau I. Why Has the question of the meaning of life arisen in the last two and a half centuries? // *Philosophy Today*. 1997. Vol. 41, iss. 2. P. 263–269. <https://doi.org/10.5840/philtoday19974123>
2. Metz T. The Meaning of Life // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2022 Edition) / ed. by E. N. Zalta, U. Nodelman. 2022. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/life-meaning/> (дата обращения: 18.05.2025).
3. Metz T. *Meaning in life: An analytic study*. Oxford : Oxford University Press, 2013. 269 p.
4. Suckert L. Back to the Future. Sociological perspectives on expectations, aspirations and imagined futures // *European Journal of Sociology*. 2022. Vol. 63, iss. 3. P. 393–428. <https://doi.org/10.1017/S0003975622000339>
5. Cuzzocrea V. Moratorium or waithood? Forms of time-taking and the changing shape of youth // *Time & Society*. 2018. Vol. 28, iss. 2. P. 567–586. <https://doi.org/10.1177/0961463X18763680>
6. Polak F. *The image of the future*. Amsterdam : Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 344 p.
7. Scheffler S. *Death and the Afterlife*. Oxford : Oxford University Press, 2013. 222 p.
8. Mulgan T. Answering to future people: Responsibility for climate change in a breaking world // *Journal of Applied Philosophy*. 2018. Vol. 35, iss. 3. P. 532–548. <https://doi.org/10.1111/japp.12222>
9. Edelman L. *No Future*. London : Duke University Press, 2004. 208 p.
10. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore ; London : The John Hopkins University Press, 1973. 468 p.
11. White H. *The Ethics of Narrative: Essays on History, Literature, and Theory, 2007–2017*. Baltimore : Cornell University Press, 2024. 306 p.

References

1. Landau I. Why Has the question of the meaning of life arisen in the last two and a half centuries? *Philosophy Today*, 1997, vol. 41, iss. 2, pp. 263–269. <https://doi.org/10.5840/philtoday19974123>
2. Metz T. The Meaning of Life. In: Zalta E. N., Nodelman U., eds. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*. 2022. Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/win2022/entries/life-meaning/> (accessed May 18, 2025).
3. Metz T. *Meaning in life: An analytic study*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 269 p.
4. Suckert L. Back to the Future. Sociological perspectives on expectations, aspirations and imagined futures. *European Journal of Sociology*, 2022, vol. 63, iss. 3, pp. 393–428. <https://doi.org/10.1017/S0003975622000339>
5. Cuzzocrea V. Moratorium or waithood? Forms of time-taking and the changing shape of youth. *Time & Society*, 2018, vol. 28, iss. 2, pp. 567–586. <https://doi.org/10.1177/0961463X18763680>
6. Polak F. *The image of the future*. Amsterdam, Elsevier Scientific Publishing Company, 1973. 344 p.
7. Scheffler S. *Death and the Afterlife*. Oxford, Oxford University Press, 2013. 222 p.
8. Mulgan T. Answering to future people: Responsibility for climate change in a breaking world. *Journal of Applied Philosophy*, 2018, vol. 35, iss. 3, pp. 532–548. <https://doi.org/10.1111/japp.12222>
9. Edelman L. *No Future*. London, Duke University Press, 2004. 208 p.
10. White H. *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, London, The John Hopkins University Press, 1973. 468 p.
11. White H. *The Ethics of Narrative: Essays on History, Literature, and Theory, 2007–2017*. Baltimore, Cornell University Press, 2024. 306 p.

Поступила в редакцию 18.02.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 21.07.2025
The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 21.07.2025